

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

М.С. Григоревский

**Значение благодати Божией,
веры и добрых дел человека для
оправданий его перед Богом, по
римско-католическому учению**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1906. № 10. С. 555-569.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Значеніе благодати Божієй, вѣры и добрихъ дѣлъ
человѣка для оправданія его предъ Богомъ, по
р.-католическому учению *).

В. О добрыхъ дѣлахъ.

ПРАВДАНІЕ подается вѣрующимъ въ крещеніи и со-
стоитъ не въ одномъ отпущеніи грѣховъ, но въ освящен-
ніи и обновленіи внутренняго человѣка чрезъ доброволь-
ное принятіе благодати и даровъ. „Умерщвляя члены
своей плоти и представляя ихъ въ орудіе правды на удо-
влетвореніе, чрезъ соблюденіе Заповѣдей Божіихъ и цер-
ковныхъ, полученной благодатію Христа“, оправданные,—гово-
рится въ декретѣ Тридентскаго собора,—„возрастаютъ при со-
дѣйствіи вѣры добрымъ дѣламъ и оправдываются еще болѣе“. Основываясь на этомъ мѣстѣ декрета, римскіе богословы говорятъ, что оправданіе бываетъ двоякое: одно то, въ которомъ человѣкъ изъ нечестиваго дѣлается праведнымъ, а другое,—въ которомъ праведный дѣлается праведнѣе (*iustus efficitur iustior*). На первое указываетъ апостолъ Павелъ, когда говоритъ, что *вѣрующему вѣра его вѣняется въ праведность* (Римл. IV, 5); о второмъ свидѣтельствуетъ апостолъ Іаковъ: *«вѣра, если не имѣтъ дѣлъ, мертвa сама по себѣ»* и далѣе (приведя въ примѣръ послушаніе Авраама Богу) прибавляетъ: *«видите ли, что человѣкъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою только»* (Іак. II, 17 и 24 ст.) ¹⁾. Апостолъ Павелъ говоритъ обѣ оправданіи, получаемомъ въ крещеніи, когда человѣкъ оправдывается безъ дѣлъ, ради одной вѣры въ Бога; Іаковъ же—обѣ оправданіи по крещеніи, когда вѣрующій самыми обѣтами крещенія обязывается умножать свою праведность добрыми дѣлами.

*) Окончаніе. См. сентябрь.

¹⁾ De iustific. lib. IV, c. 18.

лами. Такъ какъ приведенные слова апостоловъ кажутся для нѣкоторыхъ противоположными одни другимъ, то Беллярминъ примиряетъ это видимое разнорѣчіе такимъ подобіемъ: какъ никто не можетъ самъ себя сотворить или воскресить отъ смерти, будучи же сотворенъ или воскрешенъ Богомъ, самъ уже возвращаетъ тѣло свое пищею и питьемъ, такъ и умершій чрезъ грѣхъ не можетъ самъ себя оправдать дѣлами своими; оправданный же Богомъ можетъ доброю жизнью умножать свою праведность и болѣе оправдываться¹). „Дѣла—условія полного присутствія, раскрытия и увеличенія въ насъ праведности“²). Нравственная дѣятельность человѣка понимается въ католической церкви грубо—механически, въ смыслѣ суммы виѣшнихъ поступковъ. „Добрья дѣла“, по выражению Klee, „суть конкретныя формациіи и проявленія вѣры, надежды и любви, вынаруженіе внутренняго *habitus* вѣры, надежды и любви въ отдѣльныхъ внутреннихъ или виѣшнихъ дѣйствіяхъ и выраженіяхъ, или многообразныя и различныя высказыванія, разчлененія одного великаго и пребывающаго дѣла Божія, вѣры, надежды и любви въ нашемъ внутреннемъ или виѣшнемъ мірѣ“³). Католическое оправданіе дѣлами имѣеть, какъ совершенно справедливо полагасть еп. Сергій, тотъ смыслъ, что дѣла заслуживаютъ новый даръ—*Supernaturale donum*, т. е. Богъ, видя добродѣланіе человѣка, прибавляетъ въ награду за него той святости и праведности, которую Онъ избралъ на человѣка при оправданії⁴). Судя по символическимъ книгамъ православной и католической церквей, можно сказать, что ученіе о добрыхъ дѣлахъ въ той и другой церкви одинаково не только по смыслу, но и по буквѣ. „Дѣла“, читаемъ мы въ Посланіи восточныхъ патріарховъ, „почитаемъ не свидѣтельствомъ только, подтверждающимъ наше призваніе, но и плодами, которые со-дѣлываютъ вѣру нашу дѣятельною, и могутъ по божественному обѣтованію доставить каждому заслуженную мзду, добрую или худую, смотря потому, что онъ сдѣлалъ съ тѣломъ своимъ“⁵). „Поелику, говоритъ еп. Антоній, оправданіе наше зависитъ первѣе всего отъ милости и заслугъ Христа Спасителя и подается намъ туне чрезъ вѣру, а безъ сего ни за какія дѣла не было бы даровано намъ, поелику, съ другой стороны, всѣ добрыя дѣла апостолъ Павель называетъ плодами Духа Святаго (Гал. V, 22), то очевидно, что христіанинъ не долженъ хвалиться и полагаться на

¹) Ibid.

²) Katolische Dogmatik. Klee. Mainz. 1835, th. III, S. 23.

³) Ibid. III, S. 20.

⁴) „Правосл. ученіе о спасеніи“, стр. 34. *Isti boni motus*, говоритъ И. Ломбардъ, *vel affectus merita sunt, et dona Dei, quibus meremur et ipsorum augmentationem*. Ibid. примѣч. 4.

⁵) Чл. XIII.

добрая дѣла“¹⁾.—Тридентскій соборъ съ своей стороны выразилъ свой взглядъ на добрую дѣла преимущественно въ 24 и 32 канонахъ VI сессіи. Въ первомъ изъ нихъ говорится: „если кто скажетъ, что пріятая благодать не сохраняется и не умножается предъ Богомъ чрезъ добрую дѣла, но самыя дѣла суть только плоды и знаки полученнаго оправданія, а не причина его умноженія,—анаоема да будетъ“. Въ другомъ канонѣ читаемъ: „если кто скажетъ, что добрую дѣла оправданнаго человѣка настолько суть дары Божіи, что не составляютъ добрыхъ заслугъ самаго оправданнаго, или что оправданный человѣкъ добрыми дѣлами, которыя онъ дѣлаетъ по благодати Божіей и заслугѣ Іисуса Христа, котораго онъ живой членъ, не заслуживаютъ умноженія благодати, вѣчной жизни и ея наслѣдія, если только умреть въ благодати, и умноженія славы,—анаоема да будетъ“.

Хотя въ учениі той и другой церкви дѣла признаются плодами благодати и свободной воли человѣка, хотя они одинаково почитаются служащими къ умноженію благодати и праведности и заслуживающими награды въ будущей жизни, но если мы вникнемъ въ духъ обѣихъ церквей, въ какомъ онъ говорятъ о добрыхъ дѣлахъ, то увидимъ большое различіе въ ихъ понятіяхъ о достоинствѣ добрыхъ дѣлъ.

Вотъ какъ разсуждаетъ о значеніи добрыхъ дѣлъ смиренный богословъ православной церкви. „Неоспоримо, что по обѣтованіямъ Божіимъ, людимъ, достигшимъ въ своей жизни мѣры возраста Христова, будетъ даровано Богомъ въ будущей жизни блаженство, какъ награда за добродѣтельную ихъ жизнь въ семъ мірѣ. Неоспоримо и то, что ихъ добрую дѣла, съ которыми будетъ соединена та или другая мѣра блаженства, обѣтованнаго въ будущей жизни, будутъ вмѣнены Богомъ въ заслуги большія или меньшія, бывъ оцѣнены по довѣдомымъ Ему Одному началамъ Его всевѣдѣнія, милости и правды. Но естественно спросить при этомъ, можемъ ли мы самихъ себя до объявленія суда Божія считать вправѣ смотрѣть на свои добруя дѣла, какъ на дѣйствительныя заслуги предъ Богомъ, т. е. такого рода дѣла, въ силу которыхъ мы могли бы счесть себя вправѣ, если не требовать себѣ по нашему мнѣнію соотвѣтственной имъ отъ Бога награды, то навѣрное разсчитывать на нее, и съ спокойною самоувѣренностію дожидаться получения ея? Можемъ ли мы въ область нравственныхъ мотивовъ своей жизни вводить представление о возможности для настъ пріобрѣсти дѣйствительную личную заслугу предъ Богомъ, и самое чувство такой заслуги, при совершенніи того или другого доброго дѣла? Можемъ ли мы въ себѣ воспитывать и облекать довѣріемъ такого рода контролирующее наши дѣла чувство, которое бы по совершеніи каждого доброго дѣла

¹⁾ Догматич. Богословіе, § 247.

подсказывало намъ, что это все заслуги наши предъ Богомъ, а по окончаніи какого-либо опредѣленного круга добрыхъ дѣлъ, и начатіи нового ихъ круга, стало увѣрять нась, что мы уже исполнили мѣру обыкновенныхъ, доступныхъ всѣмъ людямъ, заслугъ, и начинаемъ съ этого времени пріобрѣтеніе сравнительно съ обычновенными заслугами уже лишнихъ, особеннойшихъ и необыкновенныхъ заслугъ предъ Богомъ? Все это, по нашему представленію, могло найти для себя мѣсто развѣ только въ нравственномъ сознаніи ветхозавѣтнаго іудея, который, живя подъ закономъ и уловая оправдаться отъ дѣлъ закона, считалъ возможнымъ и умѣстнымъ измѣрять свою праведность и заслуги предъ Богомъ количественнымъ кругомъ выполняемыхъ имъ предписаній закона, — но совершенно не совмѣстимо съ духомъ жизни обновленного во Христѣ человѣка, живущаго подъ благодатію и оправдываемаго заслугами Христовыми и вѣрою¹⁾. Такъ смотрить на добрыя дѣла православный христіанинъ и смотреть вполнѣ правильно. Потому отъ нась и требуется вѣра во Христа, какъ единаго нашего Ходатая предъ Богомъ, что мы сами отъ себя и по себѣ ничего не можемъ сдѣлать для удовлетворенія правдѣ Божіей. Потому-то мы и прибѣгаемъ ко Христу, что только Его заслугами мы можемъ получить оправданіе. Если же мы сами сознаемъ свое нравственное безсиліе, то о какихъ еще собственныхъ заслугахъ смѣемъ мечтать?

Если говоримъ, что не имѣемъ грѣха, то обманываемъ самихъ себя и истины нѣть въ нась (Іоанн. I, 8).

Правда, многіе святые исполняли по мѣрѣ силъ Заповѣди Божіи, но можно ли сказать, чтобы они соблюли весь нравственный законъ? Конечно, нѣть, иначе ихъ святость была бы абсолютная. Если же они согрѣшили хоть въ одномъ, то стали виновны во всемъ: *ибо Тотъ же, Кто сказалъ: не прелюбодѣйствуй, сказалъ: и не убей; посели у если ты не прелюбодѣйствуешь, но убьешь, то ты также преступникъ закона* (Іак. II, 10—11).

Не такъ разсуждаетъ католикъ. Онъ никакъ не можетъ примириться съ мыслю о своей безответственности предъ Богомъ и находить возможнымъ и справедливымъ считаться съ Нимъ, признавая вѣчное блаженство юридически необходимымъ возмездіемъ за его земныя дѣла. Общее мнѣніе католическихъ богослововъ, по заявлению Беллярмина, есть именно то, что добрыя дѣла человѣка представляютъ дѣйствительные заслуги его предъ Богомъ и притомъ заслуги не ex congruo, т. е. только приличная христіанину, но не претендующія на награду, а заслуги «ex condigno», т. е. *такія, которыя человѣкъ*.

¹⁾ „Отвѣтъ православнаго на схему старокатоликовъ о добрыхъ дѣлахъ“. Еп. Сильвестра. Труды Кіевск. дух. Академіи 1875. Январь, стр. 9—10.

въѣтъ можетъ прямо предъявить Богу, какъ неотъемлемое право на получение вѣчной жизни... Правда, онѣ получаютъ начало „ex gratia“ Dei, но тѣмъ не менѣе со стороны человѣка онѣ—заслуги „ex iustitia“. Человѣкъ не можетъ требовать чего-либо отъ Бога, потому что все—Его, но по условію (ex pacto), по которому Богъ не хочетъ требовать дѣлъ нашихъ отъ насть даромъ, но желаетъ воздать награду пропорционально дѣламъ, мы можемъ требовать отъ Него награды (utere possimus ab Eo quicquidem exigere!). Рабъ не можетъ требовать отъ своего господина какой-либо награды, хотя все, что приобрѣтаетъ, приобрѣтаетъ своему господину, но если господинъ захочетъ отдать рабу труды его и обѣщаетъ еще за нихъ награду, то рабъ по праву будетъ требовать награды за дѣла свои¹⁾. Такимъ образомъ, разсуждаетъ даиѣе кардиналь, дѣла праведниковъ составляютъ заслуги по своему достоинству, и это не только по условію, но и по самой сущности дѣлъ, т. е. они и безъ условія всегда достойны награды, и Богъ всегда готовъ награждать всякое доброе дѣло соотвѣтственною наградою, хотя бы и не было заключено между Нимъ и праведниками никакой конвенціи (nisi conventionis interveniat). Конечно, вѣчная жизнь можетъ быть понимаема двояко: какъ наслѣдство праведныхъ, такъ какъ они дѣти Божіи и сонастѣдники Христу, и какъ награда. Въ первомъ случаѣ она принадлежитъ личности праведника, а въ послѣднемъ—его дѣламъ. Отсюда вѣчная жизнь принадлежитъ по праву и новокрещеннымъ младенцамъ, какъ дѣтямъ Божіимъ, но принадлежитъ, какъ наслѣдство ихъ личности, а не дѣламъ. Праведнымъ же принадлежитъ не только по наслѣдству, но и по достоинству ихъ, подобно тому какъ при раздаїніи публичныхъ должностей или доходовъ лучшимъ гражданамъ, эти послѣдніе называются заслужившими ихъ и достойными потому именно, что они прекраснѣйшіе люди между своими согражданами. Что дѣла праведныхъ по своему достоинству и сущности дѣйствительно составляютъ заслуги ихъ, это видно изъ того, по мнѣнію католиковъ, что вѣчная жизнь есть, какъ говорить евангелистъ, благодать за благодать (Іоан. I, 16), т. е. благодать награды за благодать заслуги; а между благодатію и благодатію безъ сомнѣнія существуетъ пропорциональность, каковая существуетъ между дѣлами и вѣчною жизнью, какъ наградою за нихъ. Кроме того, Богъ, опредѣлившій ввести избранныхъ въ вѣчную жизнь ради ихъ заслугъ, безъ сомнѣнія дастъ имъ такія заслуги, при которыхъ бы они могли быть достойно увѣнчаны въ вѣчной жизни. Для этого у Него не будетъ недостатка ни власти, ни мудрости²⁾.

Такъ мыслить о своихъ дѣлахъ гордый католикъ, этотъ

¹⁾ De iustitia, lib. V, cap. XVI.

²⁾ Ibid. cap. 17.

вѣчный наемникъ въ дому Отца, никогда не могущій быть Его сыномъ. Впрочемъ онъ усвояетъ себѣ и право сына, когда говорить, что вѣчная жизнь принадлежитъ ему по наследству, и въ то же время не отказывается отъ роли и доли наемника, когда утверждаетъ, что вѣчная жизнь должна быть дана ему за его заслуги... Странно слышать подобныхъ разсужденій, нелѣпость ихъ слишкомъ очевидна для здраваго смысла. Дѣла суть *дары Божіи* и въ то же время они — *заслуги, за которыя Богъ долженъ насъ награждать*. Можно ли еще хуже смѣшивать понятія? Если Богъ даетъ намъ заслуги, достойныя вѣчной жизни, какъ говорить Беллярминъ, то не Себя ли Онъ долженъ и награждать? Мы тутъ рѣшительно ни причемъ. Да если и участвуетъ въ добрыхъ дѣлахъ наша свобода, то могутъ ли они быть дѣйствительно достойными вѣчной жизни? Только тогда они были бы достойны ея, когда наша святость была бы абсолютна, а если этого неѣть, то и въ самой „конвенції“ между Богомъ и нами видна только Его крайняя благость, вмѣняющая намъ несовершенное добро въ совершенное. Гдѣ же та *institutio*, по которой мы вправѣ требовать отъ Бога награды? Да и какая конвенція можетъ быть между Творцемъ и тварю? Она бываетъ только между равными договаривающимися сторонами. Смѣеть ли человѣкъ думать о какомъ бы то ни было договорѣ съ Богомъ, въ силу которого Онъ становится будто бы должникомъ ему, а мы считаемъ себя вправѣ предъявить Ему Его долговыя обязательства и требовать отъ Него уплаты долга? Страшно и слышать о такой дерзости, а между тѣмъ католичество понимаетъ свои отношенія къ Богу именно такъ. „Вѣчная тяжба“, говорить Хомяковъ, „вѣчное разбирательство противоположныхъ правъ передъ духовными юрисконсультами папскаго Рима,—вотъ какого рода отношенія введены въ католичествѣ вмѣсто установленнаго пришествіемъ Христовымъ внутренняго единенія между Творцемъ и тварю. Вооружась счетною книгою, составленною по правиламъ двойной бухгалтеріи съ дебетомъ въ видѣ грѣха и кредитомъ въ видѣ добрыхъ дѣлъ, человѣкъ вступаетъ въ тяжбу съ Богомъ, и въ римскомъ казуистѣ находить себѣ благопріятнаго судью. Предъ нимъ онъ не проиграетъ своей тяжбы. Лишь бы оставался онъ гражданиномъ церковнаго государства и послушнымъ слугою своихъ командировъ, онъ, за довольно умѣренный взносъ добрыхъ дѣлъ и добрыхъ помысловъ, попадетъ въ акціонеры раі; затѣмъ изпишекъ, если таковой у него окажется, онъ получить возможность обратить для себя въ движимый капиталъ, который останется въ полномъ его распоряженіи, а если окажется недочетъ, можно будетъ покрыть его займомъ у болѣе богатыхъ капиталистовъ. Быть бы только вѣренъ балансъ, Богъ не придерется“... (Т. II, стр. 109). Что можетъ быть безразсуднѣе подобного пониманія отношеній между Богомъ и человѣкомъ?

Мы не отвергаемъ, что Богъ воздастъ въ будущей жизни каждому по дѣламъ его, но отказываемся въ этомъ выражении видѣть указаніе на пропорціональность награды съ дѣлами. Вспомнимъ притчу о дѣлаталяхъ, работавшихъ въ виноградникѣ неодинаковое время и получившихъ одинаковую плату (Мо. XX). О пропорціональности платы съ трудами здѣсь нѣтъ и рѣчи. Сообразно съ этою притчею Спасителя нужно понимать и обѣщаніе Его воздать каждому по дѣламъ его (Мо. XVI, 27), т. е. по дѣятельности каждого, по его жизни и душевному направлению—доброму или злому, а не пропорціонально съ дѣлами, такъ чтобы между известнымъ числомъ добрыхъ дѣлъ и известною степенью блаженства можно было бы поставить математическій знакъ равенства.

Толкуя о пропорціональности наградъ съ дѣлами, католики впадаютъ въ противорѣчіе самимъ себѣ. Разбирая права вѣрующихъ на получение наградъ отъ Бога, тотъ же Беллярминъ говоритъ, что Богъ награждаетъ дѣла выше ихъ достоинства (раньше же говорилъ онъ о пропорціональности наградъ съ дѣлами¹). Какъ же послѣ этого понимать соразмѣрность отношений между заслугами и наградами, и существуетъ ли она? Если существуетъ, то награды безусловно должны быть пропорціональны дѣламъ; если же онъ выше дѣлъ, то соразмѣрности не существуетъ и награды даются не за дѣла, а единственно ради заслугъ Сына Божія, милосердіемъ Бога Отца и содѣйствіемъ Св. Духа, производящаго въ насъ плоды добрыхъ дѣлъ. Человѣкъ ничего не можетъ принести отъ себя Богу, кроме посильной благодарности Ему, проявляемой въ свободномъ расположениіи къ добру, а не въ абсолютномъ добрѣ, которое одно достойно вѣчной жизни²).

Но католицизмъ не понимаетъ такого смиреннаго сознанія нравственной немощи человѣка. Онъ ставить прямой вопросъ: можно ли человѣку надѣяться на свои дѣла?—и не задумываясь отвѣчаетъ: можно. Эта надежда рождается не отъ одной вѣры, но именно отъ добрыхъ дѣлъ. Въ человѣкѣ, еще примиренному, первый шагъ (*motus*) ко спасенію есть вѣра; отсюда рождается созерцаніе и желаніе блаженства, познанного вѣрою. За желаніемъ блаженства слѣдуетъ надежда на наслѣдіе этого блаженства, но не непосредственно, потому что кто не получилъ еще благодати у Бога и не имѣть никакихъ добрыхъ заслугъ, тотъ не можетъ надѣяться не-

¹⁾ De iustific. lib. V, cap. 19.

²⁾ „Что ты говоришь, малодушный, жалкій человѣкъ? Тебѣ предлежитъ сдѣлать угодное Богу, а ты стоишь въ раздумьѣ о наградѣ?.. Развѣ не знаешь, что награда тебѣ будетъ больше, когда ты станешь дѣлать должное, не надѣясь на награду“? Твор. св. Иоанна Златоуста. „О сокрушеніи“. Бес. къ ант. пароду (слово 2).

посредственно на получение блаженства,—это было бы предвосхищенье, а не надежда,—но надеется на примирение съ Богомъ и на то, что онъ будетъ имѣть добрыя заслуги, при помоши Божией, и чрезъ нихъ получить блаженство. За этойю надеждою, которую богословы называютъ *informis*, слѣдуетъ истинная любовь и добродѣланіе¹⁾). Въ примѣръ упоманія на свои дѣла католики приводятъ апостола Павла. Онъ говоритъ о себѣ: *подвигомъ добрымъ я подвизался, теченіе совершилъ, впру сохранилъ, а теперь готовится мнъ вѣнецъ правды, который дастъ мнъ Господъ, праведный . Судія въ день оный* (2 Тим. IV, 7—8). Ожиданіе вѣнца, говорить, зависитъ отъ увѣренности въ своихъ добрыхъ дѣлахъ... Для правильного пониманія приведенныхъ словъ необходимо взять ихъ въ контекстѣ: *меня уже приносятъ въ жертву, говорить апостоль, и время моего отшествія настало; подвигомъ добрымъ я подвигался, теченіе совершилъ и т. д.* По указанію контекста подъ *подвигомъ* и *теченіемъ* должно разумѣть не добрыя дѣла, на которыя будто бы такъ надѣялся апостолъ языковъ, а перенесенная имъ гоненія за вѣру во Христа, храненіе имъ вѣры и вообще подвигъ мученичества. Это пониманіе должно быть признано безусловно вѣрнымъ, потому что апостоль всю свою жизнь хвалился только немощами, считая себя извергомъ человѣчества, недостойнымъ имени апостола. Теперь, когда настало время его отшествія, могъ ли онъ хвалиться своими добродѣтелями? Подобно апостолу, поступали послѣ тысячи мучениковъ, которые во всеуслышаніе высказывали свои надежды на вѣчную жизнь, основывая ихъ на соблюденіи ими вѣры во Христа, а не на добрыхъ дѣлахъ. Католики, придавая преувеличенное значеніе дѣламъ человѣка, утверждаютъ въ то же время, что самыя заслуги его (=дѣла) подаетъ памъ Богъ²⁾). Но тогда имѣть ли человѣкъ право указывать на свои дѣла, какъ на свои, и говорить что именно за нихъ онъ получаетъ вѣчную жизнь? Конечно, духовная жизнь невозможна для вѣрующаго какъ безъ присутствія и дѣйствія благодати, такъ и безъ участія его собственной воли и свободы, воспринимающей и усвоющей благодать. Но кто изъ пользующихся великимъ даромъ благодати сочтетъ возможнымъ отѣлять принадлежащее ему самому отъ принадлежащаго благодати, и въ выдѣленной для себя области предполагать какую либо свою заслугу предъ Богомъ? На дѣлѣ мы видимъ совершенно противное: чѣмъ глубже кто проникается духомъ благодати, тѣмъ яснѣе познаетъ свои немощи, тѣмъ полноѣ сознаетъ свое безсиліе сдѣлать своими собственными усилиями что либо угодное Богу. Такъ поступали дѣлые сонмы святыхъ, известныхъ церкви истинно доброю

¹⁾ *Deiustit.*, c. VII, lib. V.

²⁾ „Человѣкъ долженъ дѣлать, что онъ можетъ, а что онъ можетъ и какъ онъ можетъ,—это дѣлаетъ Богъ“. Klee., III, 5—8.

жизню. Они отклоняли отъ себя всякую мысль о своихъ заслугахъ предъ Богомъ и о наградѣ за нихъ, а помнили и исповѣдали только свою нравственную немощь и свои грѣхи, и послѣднимъ завѣтомъ ихъ была просьба о молитвахъ за нихъ предъ Богомъ.

Обращая вниманіе на добрыя дѣла со стороны ихъ сущности, мы не можемъ согласиться съ католиками, что они составляютъ что-то вѣшнее для христіанина, что можетъ быть въ немъ или не быть, что онъ можетъ принять или отвергнуть. Добрыя дѣла суть проявленія нашей любви къ Богу, ся плоды, или самая любовь къ Богу. Если мы любимъ Бога, то этимъ мы не дѣлаемъ чего либо такого, за что Онъ долженъ быть признательнымъ къ намъ. Если и Богъ по своей любви къ намъ благотворить намъ, промышляетъ о нашемъ временномъ благополучіи и вѣчномъ спасеніи, то неужели христіанинъ осмѣлитъ свою слабую признательность къ Его вѣчной любви назвать заслугою? Христіанинъ не долженъ забывать, что онъ находится къ Богу въ такихъ же отношеніяхъ, какъ должникъ, который долженъ заморавцу тѣму талантовъ и изъ этого долга уплачиваетъ лишь одинъ обогтъ. Все доброе, чтобы мы ни сдѣлали,ничтожно въ сравненіи съ тѣми благами, которыя мы получили отъ Бога. Значитъ, мысль о нашихъ заслугахъ предъ Богомъ — гордая и пустая мечта.

По римлянинъ—законникъ, не довольствуясь своими заслугами предъ Творцемъ, придумалъ еще возможность сверхдолжныхъ дѣлъ. Вопреки словамъ царя-пророка: „широка заповѣдь Твоя зѣло“ (Псал. СХVIII, 96), онъ считаетъ законъ Божій такимъ ограниченнымъ, что можно не только легко выполнить его, но сдѣлать многое и свыше его требованій. Законъ, по понятіямъ католика, дѣлится на заповѣди и совѣты. Исполнивъ первое, человѣкъ дѣлаетъ должное, а сдѣдуя послѣднимъ, онъ совершаетъ уже сверхдолжное. Правда, это раздѣленіе закона имѣетъ защитниковъ и среди православныхъ, но оно не допущено въ православную символику и остается частнымъ мнѣніемъ, не дающимъ никому права укорять за него православную церковь. Такъ, напр., большая часть православнаго монашества, тщеславясь своими обѣтами (мы не говоримъ — выполнениемъ обѣтовъ; это — другой вопросъ), воображаетъ себя также дѣлающимъ сверхдолжное добро, указанное будто бы въ евангельскихъ совѣтахъ. Въ словѣ Аввы Дороѳеи „объ отверженіи міра“ мы читаемъ слѣдующее: „Преподобные не только сохранили заповѣди, но и принесли Богу дары“... Заповѣди даны всѣмъ христіанамъ, и всякий христіанинъ обязанъ исполнять ихъ...; но есть въ міре великие и знатные люди, которые не только даютъ дани царю, но приносятъ ему и дары: такъ и отцы. Они не только сохранили заповѣди, но и принесли Богу дары. Дары сіи суть: дѣвство и нестяжаніе. Это не долгъ, но дары, ибо никогда

не сказано въ писанії: не бери жены, не имѣй дѣтей. Такъ же и Христосъ, говоря: „продажь имѣнія твоя“ (Ме. XIX, 21), не дать этимъ заповѣди. Но когда приступилъ къ нему законникъ и сказалъ: „учителю благай, что сотворивъ, животъ вѣчный наслѣдую“, Христосъ отвѣчалъ: „ты знаешь заповѣди: не убий, не прелюбодѣйствуй, не укради, не лжесвидѣтельствуй на ближняго своего“ и проч. Когда же тотъ сказалъ: „сія вся сохранихъ отъ юности моей“, Господь присовокупилъ: „аще хощеши совершенъ быти, продажь имѣнія твоя и дажь нищимъ“... Онъ не сказалъ: продай имѣніе твое, какъ бы повелѣвая, но совѣтуя, ибо слова: *аще хощеши не суть слова повелѣвающаго, но совѣтующаго*. Итакъ, какъ мы сказали, отцы принесли Богу вмѣстѣ съ иными добродѣлѣями и дары: „дѣвство и нестяжаніе“. Противъ такого дѣленія закона Божія на заповѣди и совѣты нужно сказать, что послѣднихъ въ евангелии совсѣмъ нѣть, а потому какъ католики, такъ и православные защитники этого ученія напрасно думаютъ, будто они дѣлаютъ сверхдолжное добро.

Такого добра быть не можетъ и вотъ почему.

Господь Іисусъ Христосъ, предложивъ послѣдователямъ нравственный законъ, представилъ имъ вмѣстѣ и идеаль добра, къ осуществленію котораго они должны стремиться: *будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный* (Ме. V, 48). Этотъ идеаль такъ высокъ, что не только настоящей нашей жизни, но и будущей недостаточно будетъ, чтобы приблизиться къ нему. Какъ бы кто ни старался возвысить свою нравственность, какие бы ни принималъ на себя подвиги, все же никто не дерзнетъ сказать о себѣ, что онъ сталъ абсолютнымъ добромъ, какъ Богъ: это было бы демонскимъ самообольщеніемъ. Какимъ же образомъ католикъ можетъ дѣлать добро сверхдолжное, когда онъ не въ состояніи дѣлать и должного? О какихъ дарахъ Богу мечтаешь и православный авва, слова котораго нами приведены выше? Помянутые имъ дары могли бы называться таковыми въ томъ лишь случаѣ, когда человѣкъ исполнилъ бы весь нравственный законъ и къ этому приложилъ бы еще дѣвство и проч. А такъ какъ авва Дороюей приписалъ отцамъ невозможное, будто они „исполнили заповѣди“ (они старались исполнять, но не исполнили абсолютно), то и высшіе ихъ подвиги не имѣютъ достоинства даровъ. Дѣвство, нестяжаніе и прочіе подвиги избираются истинными подвижниками не для того, чтобы удивить Бога или „подарить“ его такими рѣдкостями, но единственно для своего нравственного усовершенствованія. Истинный подвижникъ долженъ помнить, что любовь къ ближнимъ должна простираться до самопожертвованія; любовь къ Богу должна проникать все сердце, всю душу и разумѣніе христіанина (Ме. XXII, 37). О сверхдолжномъ, о сверхдолжной любви не можетъ быть и рѣчи; для этого онъ долженъ стать выше своей природы... Сторонники тео-

рії сверхдолжніхъ добрихъ дѣлъ основываютъ дѣленіе закона Божія на заповѣди и совѣты на XIX главѣ евангелія отъ Матея. Здѣсь изложена бесѣда Господа съ юношою, который спрашивалъ у него, что нужно дѣлать для спасенія. Отвѣтъ Іисуса Христа состоялъ, между прочимъ, въ томъ, что онъ долженъ раздать свое имѣніе нищимъ, если хочетъ быть совершеннымъ. Въ этомъ отвѣтѣ запитники сверхдолжніхъ дѣлъ видять не заповѣдь, а совѣтъ, которому юноша могъ слѣдоватъ и не слѣдоватъ безъ ущерба для спасенія, потому что онъ исполнить всѣ необходимыя къ тому заповѣди: раздача же имѣнія была бы для него сверхдолжнімъ дѣломъ. Приведенное мѣсто прекрасно разобрано епископомъ Сильвестромъ въ „отвѣтѣ православнаго на схему старокатоликовъ о добрыхъ дѣлахъ“¹⁾), который ясно и основательно доказываетъ, что Христосъ требовалъ отъ вопрошающаго только должна, а отнюдь не совѣтовалъ ему ничего сверхдолжнаго. Не имѣя пужды приводить здѣсь всю аргументацію почтеннаго автора, мы съ своей стороны только прибавимъ, что онъ слишкомъ много еще уступаетъ противникамъ, когда говоритъ, будто юноша со всею ревностю и точностию выполнялъ вицінія предписанія закона и потому по совѣсти могъ сказать, что сохранилъ все, требуемое указанными ему Спасителемъ заповѣдями и будто онъ не зналъ лишь высшаго смысла и духа ихъ. Юноша, по нашему мнѣнію, даже и въ буквѣ не сохранилъ помянутыхъ заповѣдей и потому вовсе не имѣлъ права хвалиться предъ Христомъ своею праведностію. Такъ, Спаситель говорить ему между прочимъ, что онъ долженъ возлюбить ближняго какъ самъ себя,—и юноша хвалится, что онъ исполнилъ эту заповѣдь; когда же Господь сказалъ, что онъ долженъ, въ виду нравственнаго усовершенствованія, раздать неимущимъ свое имѣніе, то онъ не согласился и тѣмъ ясно обличилъ себя въ неправдѣ. Если бы юноша любилъ близкихъ, какъ самъ себя, то для него было бы все равно,—въ его ли карманѣ будетъ его богатство, или въ рукахъ его близкихъ. Но юноша со скорбю принялъ слова Христовы и не исполнилъ ихъ и тѣмъ ясно показалъ, что его слова обѣ исполнилъ заповѣди о любви были въ его устахъ лишь самохвалиствомъ. Послѣднее Христосъ и хотѣлъ обличить, когда повелѣвалъ ему раздать имѣніе, т. е. возлюбить близкихъ, какъ себя, дѣйствительно, а не на словахъ. „Со скорбю отошедший“, прекрасно замѣчаетъ Оригенъ, „послѣ слышанной рѣчи не быть человѣкомъ зрѣлаго и окрѣпшаго возраста, не быть мужемъ пережившимъ все дѣтское, а быть юношою. Бывши таковыми по душѣ, потому-то и отошелъ, оставивши Христа. Поэтому въ цѣляхъ осужденія его и ска-

¹⁾ Труды Кіевск. Дух. Акад. январь 1875 г.. стр. 9—78; февраль, 167—213.

зано: отошель, и отошель опечаленный, конечно, тою печалью мірского, которая производить смерть. Ибо каковъ быль онъ, когда предпочелъ всему беспокойство и скорбь, и, оставаясь при своихъ многихъ богатствахъ, которыхъ любиль, ради чего и отошелъ съ печалью? Сколько суетного должно было наполнять его душу“¹⁾!

Зашитникъ сверхдолжнаго добра обличаютъ тѣ самыя слова Христа, въ которыхъ они видять совѣтъ, а не заповѣдь. Христосъ говорить: *аще хощени совершиенъ быти*, то продай имѣніе и проч. Онъ не сказалъ „если хочешь быть выше другихъ“, или: „если хочешь сдѣлать нѣчто большее противъ требованій закона“, не сказать также: „если хочешь сдѣлать подарокъ Богу“, а говорить лишь: если хочешь довершить твои дѣла, то дѣлай то-то. Гдѣ же здѣсь совѣтъ о сверхдолжномъ? Авва Дорооей говорить, что слова: *аще хощени* не суть слова повелѣвающаго, а совѣстующаго... Но въ томъ же разговорѣ Христа съ юношой этотъ оборотъ рѣчи употребленъ и выше: *аще хощени внити въ животъ, сободи заповѣди*. Христосъ и здѣсь не говорить повелительно, а совѣстя, такъ какъ и все наше спасеніе отдано Богомъ на нашу волю: желаемъ—спасаемся; не желаемъ—никто не принуждаетъ насъ къ тому силою. Такимъ образомъ, утвержденіе католиковъ, что человѣкъ „можетъ совершать сверхдолжныя добрыя дѣла и тѣмъ увеличить ожидающую его награду“²⁾ является совершенно произвольнымъ, не обоснованнымъ на Св. Писаніи³⁾.

Что касается пользы отъ сверхдолжныхъ дѣлъ, то православные защитники ихъ говорятъ, что ими можетъ пользоваться только лично тотъ, кто имѣеть ихъ; католики, наоборотъ, нашли возможнымъ ссужать ими и другихъ. Но римскимъ воззрѣніямъ на грѣхъ и его послѣдствія выходить, что человѣкъ и постъ усвоенія себѣ заслугъ Христовыхъ чрезъ церковныя таинства все еще остается должникомъ предъ Богомъ. Исключение допускается только для умирающихъ тотчасъ послѣ крещенія, отъ которыхъ не требуется уплаты долга. Надъ всѣми же прочими, согрѣшившими постъ крещенія, сколько бы они ни калялись, всегда тяготѣть болѣе или менѣе тяжкій долгъ, за который они должны принести Богу надлежащій выкупъ. «*Sancta synodus declarat*, говорится въ 8 гл. XIV сессіи Тридентскаго собора, *falsum omnino esse*

¹⁾ Patrol. Curs. complet. graec ser. T. XIII, opp. Orig. t. III, Commen-tar. in Matth. col. 1308—1300, nr. 19.

²⁾ „Схема“. Циг. соч. Еп. Сильв. въ Труд. К. Д. Академіи, стр. 8.

³⁾ Ученіе о существованіи сокровищницы сверхдолжныхъ дѣлъ измѣнено схоластическими богословами въ XIII в. и возведено на ступень догмата въ XVI в. нашою Климентомъ VI.

См. Allgem. Geschichte der christlich. Relig. und Kirche. Zweit. B. Gotha. 1856. Neander. s. 519.

et a verbo Dei alienum, cuiusnam a Domino nunquam remitti, quin universa etiam poena condonetur». То же подтверждаетъ соборъ въ 12 и 13 канонахъ о покаяніи. Этотъ выкупъ за грѣхи долженъ быть строго пропорціоналенъ съ ними и называется удовлетвореніемъ—*satisfactio*. Римскій катихизисъ говоритъ, что истинное покаяніе составляютъ три существенныя части его: *contritio, confessio et satisfactio*¹⁾ и да же объясняетъ: *est autem satisfactio rei debitae integra solutio; nam quod satis est, ei nihil videtur deesse*²⁾. Средства удовлетворенія разнообразны. Къ нимъ относятся: безропотное перенесеніе разныхъ временныхъ бѣдствій, посыпаемыхъ на насъ Богомъ, затѣмъ—церковныя эпитеты, и, наконецъ, добрая дѣла. Есть даже и за гробомъ одно средство удовлетворенія правосудію Божію, это—чистилище. Намъ нѣтъ нужды остававливаться на всѣхъ исчисленныхъ средствахъ сатисфакціи, такъ какъ это не входить въ нашу задачу; мы обратимъ вниманіе въ данномъ случаѣ лишь на добрая дѣла. Они пріумножаютъ намъ духовныя дарованія отъ Господа. „Добрѣ подвизавшимся до конца будетъ предложена“, по выражению Регголе, „вѣчная жизнь и въ качествѣ благодати... и въ качествѣ награды“. Но кромѣ этого, дѣла, по воззрѣнію католической церви, имѣютъ еще значеніе удовлетворенія правосудію Божію за наши грѣхи. „In bonis actionibus hominum istorum, говоритъ Белларминъ, duplex valor, sive pretium assignari potest, meriti videlicet et satisfactionis“. И это не выдумка, утверждаетъ кардиналъ, а истинная дѣйствительность. Въ одномъ и томъ же доброму дѣлу, какъ-то милостынѣ, постѣ и под. имѣется и заслуга и удовлетвореніе, такъ что одна отъ другого можетъ быть отদѣлена и одна другому не препятствуетъ³⁾.

Но однихъ собственныхъ добродѣтелей большинству людей недостаточно для загажденія своихъ грѣховъ предъ Богомъ. Только избранники Божіи своими подвигами и заслугами приносятъ правосудію Божію удовлетвореніе не только полное, но даже преизбыточное. Отсюда, говоритъ Белларминъ, общее мнѣніе богослововъ какъ древнихъ, напр. св. Фомы и св. Бонавентуры, такъ и всѣхъ новѣйшихъ, всегда признавало сокровищницу удовлетвореній Христа и святыхъ, и по поводу этого мнѣнія Климентъ VI, великий первосвященникъ..., издалъ декретъ, начинающійся словомъ: *Unigenitus*⁴⁾. О заслугахъ Христовыхъ католическая церковь до Фомы Аквината учila, что онѣ равны винѣ человѣчества предъ Богомъ, а со временемъ этого богослова стали считать ихъ безконечно превышающими грѣхи всѣхъ людей, такъ

¹⁾ Par. II, cap. V, quest. 20.

²⁾ Ibid., quest. 52.

³⁾ De indulgent. lib. I, cap. II.

⁴⁾ Ibid.

что онъ составляютъ такой запасъ удовлетвореній, который никогда не можетъ быть исчерпанъ. Но къ заслугамъ Христа, по католической доктринѣ, присоединяются еще и сверхдолжные дѣла праведниковъ; этими дѣлами церковь можетъ ссужать грѣшниковъ. Къ таковымъ праведникамъ, вложившимъ въ сокровищницу добрыхъ дѣлъ свои заслуги, относится прежде всѣхъ Божія Матерь, которая была свободна не только отъ всѣхъ произвольныхъ грѣховъ, но и отъ первороднаго; затѣмъ Иоаннъ Предтеча, который былъ освященъ еще во чревѣ матери и не запятналъ своей жизни даже легкимъ прегрѣшеніемъ; наконецъ --апостолы, мученики и друг. святые, которые понесли такія страданія и приняли на себя столь великие подвиги, что добрыхъ дѣлъ ихъ много осталось въ запасѣ, *in thesauro satisfactionum*, откуда властію церкви они раздаются нуждающимся въ средствахъ удовлетворенія правдѣ Божіей¹). Такую уплату нравственнаго долга грѣшниковъ дѣлами праведниковъ Беллярминъ сравниваетъ съ уплатою обыкновенныхъ долговъ²). Сравненіе неудачное и недостойное такого ученаго, но тѣмъ не менѣе оно въ духѣ католической церкви, которая смотритъ на все вообще искупленіе человѣчества не какъ на нравственное обновление его, а какъ на уплату Христомъ того долга, который лежитъ на людяхъ въ видѣ ихъ грѣховъ противъ Бога, какъ на юридическій актъ, на возстановленіе нарушенныхъ правовыхъ отношеній³). Но такой узкій взглядъ на великое дѣло Христа Спасителя противорѣчитъ даже простому здравому смыслу, не говоря уже о св. Писаніи и свящ. преданії⁴). Матеріальный долгъ дѣйствительно одинъ человѣкъ можетъ уплатить за другого, потому что при этомъ имѣется въ виду только возмѣщеніе убытковъ заимодавца, для которого все равно, кѣмъ бы они не были восполнены. Но Господь Богъ не понесъ никакого убытка отъ грѣха Адамова, и не несетъ отъ нашихъ, а потому Христосъ приходилъ на землю не для уплаты долговъ за насъ, а для обновленія человѣчества, сдѣлавшагося неспособнымъ къ участію въ блаженной жизни Божіей.

Также и каждый грѣшникъ въ частности нуждается именно

¹⁾ Bellarm.-e. 2. Въ виду сего римскій катихизисъ говоритъ: *in eo summa Dei bonitas et clementia maximis laudibus et gratiarum actionibus praedicanda est, qui humanae imbellicitati hoc condonavit, ut unus posset pro altero satisfacere.* Par. II, c. V, quest. 61.

²⁾ *Satisfactio est compensatio poenae, vel solutio debiti: potest autem unus ita pro alio poenam compensare, vel debitum solvere ut ille satisfecisse merito dici possit* (*De indulg.* c. 2).

³⁾ Эти мысли прекрасно раскрыты въ трудахъ архим. Сергія „Православное учение о спасеніи“, куда мы и отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ.

⁴⁾ См. подр. обѣ этомъ *ibid.*

въ нравственномъ обновленії и для него не могутъ имѣть никакого значенія чужія добрыя дѣла, хотя бы и возможно было католическое вмѣненіе ихъ. Худой человѣкъ отнюдь не сдѣлается лучшимъ сколько бы другой ни сдѣлалъ для него добрыхъ дѣлъ. Большому тѣломъ нельзя вмѣнить здоровья другого. Большой нравственно не выздоровѣеть, сколько бы ни вмѣнялись ему добродѣтели другого; поэтому онъ никогда не можетъ войти въ царство небесное.

Если бы возможно было механическое вмѣненіе добродѣтелей одного лица другому, то заслугъ Христовыхъ достало бы и на бѣсовскій міръ, потому что и бѣсы имѣютъ вѣру во Христа въ смыслѣ холоднаго, отвлеченнаго знанія о Немъ...

Послѣ представленихъ соображеній нужно быть или за вѣдомыемъ противникомъ истины, или слѣпымъ поклонникомъ извѣстнаго авторитета, чтобы вѣритъ въ теорію сверхдолжныхъ добрыхъ дѣлъ и въ возможность ихъ механическаго вмѣненія тому, кто не имѣть собственныхъ добродѣтелей. Вѣра въ такую нелѣпость возможна только въ римской церкви, гдѣ правительствующая курія считаетъ себя за истину и во имя своей непогрѣшимости освящаетъ своимъ авторитетомъ человѣческія измышленія, а народъ преклоняется предъ этимъ авторитетомъ и доволенъ, что можетъ купить себѣ спасеніе и откупиться отъ временныхъ наказаній за грѣхи чрезъ индульгенціи. Въ этомъ случаѣ сокровищница преизбыточествующихъ заслугъ Христа и сверхдолжныхъ дѣлъ святыхъ служить для папы банкомъ, которымъ онъ распоряжается по своему усмотрѣнію и переводить удовлетвореніе правосудію Божію съ одного человѣка на другого... „Давая индульгенцію, церковь (= папа) покрываетъ дефіцитъ добрыхъ дѣлъ человѣка-грѣшника, необходимыхъ для удовлетворенія правосудію Божію, преизбытокъ заслугъ Христовыхъ и сверхдолжныхъ дѣлъ святыхъ¹⁾). Распространяться о незаконности подобной торговли чужимъ добромъ мы считаемъ излишнимъ: сверхдолжныхъ дѣлъ нѣтъ; не можетъ быть и перевода ихъ съ праведниковъ на грѣшниковъ.

Заканчивая изслѣдованіе католической доктрины о значеніи благодати Божіей, вѣры и добрыхъ дѣлъ человѣка въ актѣ оправданія его предъ Богомъ, мы приходимъ къ такому общему выводу: у двухъ первыхъ факторовъ—у благодати и вѣры католическая церковь отняла почти всякое значеніе и силу въ оправданіи. Вѣра только знакомить христіанина съ Богомъ. Благодать помогаетъ лишь ему въ его самостоятельной дѣятельности. И только эта послѣдняя имѣть все достопиство въ дѣлѣ оправданія: человѣкъ самъ начинаетъ его, самъ и заканчиваетъ.

М. Григоревскій.

¹⁾ Bellarm., de indulg. lib. I, cap. 3.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки